

О.Н. СКОРОХОДОВА

**“СОВЕТСКАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ УГРОЗА”:
ВЗГЛЯД ИЗ ВАШИНГТОНА И БРЮССЕЛЯ
(70-е – начало 80-х годов XX века)**

Энергетические связи между Европейским союзом и Российской Федерацией являются одним из важнейших факторов политики на европейском континенте. Осмысление значения этого фактора выстраивается вокруг двух идей: понимания невозможности в Европе обойтись без российских поставок, а в России – без доходов от продажи нефти и газа, и осознания реальности угрозы в Брюсселе – политически мотивированных манипуляций углеводородами, в Москве – зависимости от стабильности мирового рынка энергоносителей. Страхи и опасения обеих сторон уже нашли отражение в действительности. Падение цен на “жидкое топливо” в 2008 г. больно ударило по российскому бюджету, а российско-украинские “газовые войны” 2000-х гг. обернулись серьезной нехваткой топлива в ЕС.

Несмотря на то, что значение энергетического фактора особенно усилилось в XXI в. в связи с ростом российско-европейской нефтегазовой торговли¹, концепция “энергетической угрозы” Старому свету со стороны Москвы уходит своими корнями еще в эпоху холодной войны, в 70–80-е годы XX в., когда на фоне активизации торгово-экономических связей между Западным и Восточным блоком СССР превратился в одного из важнейших экспортеров нефти, а затем и газа в Европу.

В 60-е годы XX в. на стадии проникновения на рынки Европы Москва зачастую использовала тактику демпинга, предлагая цены, заведомо ниже тех, которые устанавливали крупнейшие нефтяные компании. На все обвинения в свой адрес СССР неизменно отвечал, что он просто продает нефть по справедливой, а не монопольно завышенной цене. Именно тогда в нефтяном бизнесе, а затем и в прессе стали говорить о “советской нефтяной угрозе”, понимаемой как подрыв ценовой стабильности. В 70-х годах XX в. под влиянием перемен на мировом нефтяном рынке это понятие получило новое, более привычное для нас осмысление – вероятность манипулирования поставками в политических целях. Впервые такие опасения возникли в США в конце 70-х годов XX в. на волне свертывания политики разрядки, однако в Европе их в целом не разделяли. Противостояние между союзниками по этому вопросу достигло своего апогея в 1981–1983 гг. при обсуждении плана строительства трубопровода из СССР в Западную Европу. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, как и в каких условиях был произведен переход от ценовой концепции советской энергетической угрозы к ее современному варианту, и проанализировать позицию Брюсселя и Вашингтона в отношении этой концепции и сотрудничества с СССР в углеводородной сфере.

В конце 60-х – начале 70-х годов XX в. на фоне первых успехов политики разрядки лидеры и Восточного, и Западного блока взяли курс на наращивание объемов взаимной

Скороходова Ольга Николаевна – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Работа выполнена при поддержке Международного фонда Дж. Фокса и Йельского университета.

¹ Хайтун А.Д. Энергетическая политика России на европейском континенте. М., 2008, с. 28.

торговли в целом и в нефтяном секторе в частности. Для СССР продажа нефти превратилась в основной источник твердой валюты, необходимой, в том числе, и для развития собственного топливно-энергетического комплекса (ТЭК). В эти годы в СССР центр добычи нефти был перенесен из европейской части России в Западную Сибирь, что требовало огромных инвестиций и технологических решений². В таких условиях руководством нефтяного сектора при поддержке председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина и главы Госплана Н.К. Байбакова было принято решение о «целесообразности интенсивного использования передового зарубежного опыта через закупку технологических линий и комплектных предприятий с соответствующими лицензиями на производство»³.

На Западе активизация экономических связей с Москвой рассматривалась как проведение в жизнь концепции конвергенции двух систем. На слушаниях в Конгрессе США весной 1973 г. прозвучало мнение, что активизация торговли может запустить процесс внутренних реформ в СССР⁴. В Вашингтоне полагали, что проведение масштабного перевооружения советской экономики западными технологиями не только принесет прибыль американскому бизнесу в сложные экономические времена, но и отвлечет значительные ресурсы СССР от развития военно-промышленного комплекса, перенаправив их в гражданский сектор⁵. Наконец, не стоит недооценивать и чисто экономические мотивы расширения связей с Востоком. На фоне ухудшения условий пребывания западных нефтяных гигантов на рынках стран-членов ОПЕК в 70-е годы XX в. все чаще стал ставиться вопрос об участии компаний из США, ЕЭС и Японии в разработке советского нефтяного комплекса и о возможности заключения долгосрочных контрактов на поставку нефти с Москвой. В США торговля с коммунистическим блоком также рассматривалась как один из способов выравнивания торгового баланса⁶.

Первые переговоры были инициированы еще в начале 70-х годов XX в. Однако их интенсификация пришлось на период после Октябрьской войны на Ближнем Востоке 1973 г. и последовавшим за ним нефтяным эмбарго в отношении Западного блока. Несмотря на то, что война 1973 г. на Ближнем Востоке стала одним из самых горячих моментов в истории холодной войны, в том, что касалось ее нефтяного измерения, СССР выступил в совершенно иной роли. Приветствуя в официальной печати эмбарго арабских стран в отношении Запада, СССР только риторически поддержал нефтяную атаку стран Третьего мира, даже не подумав о присоединении к антиимпериалистическому и антиизраильскому шагу производителей нефти⁷. Москва не только не попытала-

² О нефтегазовом комплексе СССР в 60–80-е годы XX в. подробнее см.: *Klinghoffer A. The Soviet Union & International Oil Politics*. New York, 1977; *Maresse M., Vanous J. Soviet Subsidization of Trade with Eastern Europe: a Soviet Perspective*. University of California, 1983; *Chadwick M., Long D., Nissanke M. Soviet Oil Exports: Trade Adjustments, Refining Constraints and Market Behavior*. Oxford, 1987; *Gustafson Th. Crisis Amid Plenty: the Politics of Soviet Energy under Brezhnev and Gorbachev*. Princeton, 1989; *idem. Wheel of Fortune: The Battle for Oil and Power in Russia*. Belknap Press, 2012; *Лисицына Е.Н. Отечественная историография истории нефтяной и газовой промышленности Сибири и Дальнего Востока*. – Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2010, № 123; *Hogselius P. Red Gas Russia and the Origins of European Energy Dependence*. Palgrave, 2012.

³ *Гайказов М.Н.* Валентин Дмитриевич Шашин – блистательный стратег нефтяной промышленности. М., 2006, с. 274.

⁴ *US-Soviet Commercial Relations: the Interplay of Economics, Technology Transfer and Diplomacy*. Prepared for the Subcommittee on National Security Policy and Scientific Developments of the Committee of Foreign Affairs. US House of Representative. Washington, 1973.

⁵ *Ibid.*, p. 50.

⁶ *Ibid.*, p. 8.

⁷ Советский представитель при Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ) отказался от участия в семинаре «Нефть и сырье для экономического развития, социального прогресса и справедливых экономических связей», проводившемся в Ираке в октябре 1974 г., заявив, что он имеет «политическую направленность». – Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ), ф. 302, оп. 2, д. 1281, л. 61.

лась использовать нефтяное эмбарго с целью оказания давления на страны Запада для получения каких-либо политических дивидендов. Наоборот, судя по архивным данным, отгрузки нефти в западные страны были увеличены, в некоторые – значительно. СССР также выступил в роли посредника в перепродаже арабской нефти Вашингтону и его союзникам. Например, поставки в Нидерланды, которые оказались врагом № 1 ОПЕК в Европе, были увеличены на 30%, с более чем 2,4 млн тонн до 3,2 млн тонн⁸.

Одним из движущих мотивов такого поведения была демонстрация приверженности политике разрядки и ответственности СССР в поддержании стабильности мировой экономики. Так, в своем выступлении на XXV съезде ЦК КПСС Генеральный секретарь Л.И. Брежнев заявил: “Существуют глобальные проблемы, такие как сырьевая или энергетическая, ликвидация наиболее опасных заболеваний и т.д. ...Наша страна не может стоять в стороне от решения этих проблем”⁹.

Действительно, действия Москвы на нефтяном треке Октябрьской войны серьезным образом укрепили доверие к СССР как к поставщику, в особенности, в Европе. В 1974–1975 гг. Италией, Францией, Великобританией, США, Австрией, Нидерландами были подписаны базовые договоры о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества с СССР, в которых взаимодействие в нефтегазовой сфере занимало центральное место. Были заключены контракты на поставку советских углеводородов и покупку западных технологий для советской нефтедобывающей промышленности, в том числе на компенсационной основе. Заметим, что первый камень был заложен еще в докризисный 1970 г., когда ФРГ и СССР подписали “контракт века” – крупнейший на тот момент договор в нефтегазовой сфере между Западом и Востоком, предусматривавший поставку в обмен на советский газ труб большого диаметра для строительства газопровода “Союз”. Впоследствии к “сделке века” присоединились Австрия, Италия и Франция. В декабре 1972 г. на волне эйфории майского визита Р. Никсона в Москву состоялась бартерная сделка “баррель-бушель”, в рамках которой СССР было поставлено 250 000 тонн мазута в США в обмен на аналогичное количество пшеницы. В 1975–1976 гг. будет предпринята безуспешная попытка перевести этот бартер на постоянную основу – заключить договор на 5 лет¹⁰. США совместно с Японией будут вести переговоры по созданию “энергоемких производств на территории СССР” на компенсационных началах в Тюменской области, Якутии, на о. Сахалин¹¹.

Таким образом, в первой половине 70-х годов XX в. не существовало серьезных возражений и опасений против ведения нефтяного бизнеса с СССР, как в Вашингтоне, так и в Брюсселе. В одном из докладов ЦРУ говорилось, что даже если СССР и удастся установить контроль над системой распределения нефти, то он “скорее будет продавать нефть за валюту, чем сдерживать рынок в попытках создать трудности для США”¹². И все же для администрации Никсона–Форда поставки нефти из СССР имели скорее символическое и внутривластное значение. Незначительные по объему, они демонстрировали результативность политики разрядки и усилий власти по диверсификации поставок, что было провозглашено одной из приоритетных задач в рамках программы “Независимость”, принятой Белым домом в ноябре 1973 г. в ответ на арабское нефтяное эмбарго против США. Энергетическое сотрудничество европейских стран с СССР было более субстантивным. Приняв на себя основной удар арабской нефтяной атаки, несмотря на все свои лихорадочные действия по отмежеванию от американской

⁸ РГАЭ, ф. 413, оп. 31, д. 5550, д. 7098.

⁹ XXV съезд КПСС. Стенографический отчет. 24 февраля – 5 марта 1976 г. М., 1976, с. 81.

¹⁰ Memo for Frank Zarb from Joseph Bell, October 10, 1975, Box 8, Frank Zarb Papers, Gerald R. Ford Library.

¹¹ Vassiliouk S. Energy Politics in Japanese-Soviet Relations in the 1970s: Complementarity and Conflict. – Annual Magazine of the Japanese Association for Russian and East European Studies, JAREES, Keio University, 2007, v. 35.

¹² Foreign Relations of the United States, 1969–1976 (FRUS). V. XXXVI. Energy Crisis, 1969–1974. Washington, 2011, Doc. 8.

линии в ходе Октябрьской войны 1973 г.¹³, европейские страны рассматривали нефть из СССР как средство диверсификации поставок, а саму Москву как надежного партнера, выполняющего свои обязательства, несмотря на политические передеряги.

В этом повороте к СССР присутствовал и изрядный заряд антиамериканизма. Закрывая прямые сделки с Москвой, европейские страны освобождали себя от необходимости обращаться к нефтяным компаниям, преимущественно американским, которые в 1973–1974 гг., во время действия эмбарго, методично перенаправляли часть танкеров в США, тем самым перекладывая тяжесть кризиса, который в первую очередь был направлен против Вашингтона, на европейские плечи¹⁴. В этом смысле, усилия по установлению энергетических связей с СССР виделись в Брюсселе, Бонне и Париже не чем иным, как попыткой обезопасить себя от “ближневосточной угрозы”, т.е. от повторения событий 1973 г.¹⁵

Общее изменение атмосферы отношений между сверхдержавами, особенно очевидное с приходом к власти Дж. Картера¹⁶, не могло не сказаться на взаимодействии между Западом и Востоком на торговом и нефтяном фронте. На фоне роста напряженности на периферии системы международных отношений эта ревизия не могла не иметь негативного характера.

22 августа 1977 г. президентом Картером была подписана директива № 18 об использовании невоенных преимуществ – экономической мощи, технологического превосходства – в качестве элементов стратегии национальной безопасности США. В начале 1978 г. в развитии этой идеи в применении к нефтегазовому сектору Дж. Картером был запрошен доклад “о передаче технологий, особенно, в сфере нефтедобычи, которые могли бы использоваться с целью оказания давления на СССР”. В одном из секретных меморандумов З. Бжезинского президенту говорилось, что за 6 лет из западных стран СССР импортировал оборудования на 3,5 млрд долл. (см. табл. 1)¹⁷. 23% всего оборудования было ввезено из США, а в 1978 г. объемы закупок могли достигнуть цифры в 1 млрд долл. Важность этих технологий для СССР не ставилась под сомнение – недопоставка оборудования могла потенциально снизить уровень добычи в СССР на 10–25%. Соображения национальной безопасности требовали скорейшего ограничения столь массированного экспорта в СССР, а инструментом его проведения в жизнь могло стать, по мнению Бжезинского, внесение оборудования в список лицензируемой продукции¹⁸.

18 июля 1978 г., три дня спустя после объявления в СССР приговора Н. Щаранскому, правозащитнику, обвиненному в измене родине и в антисоветской деятельности, Дж. Картер, после долгих колебаний и недвусмысленных угроз со стороны Конгресса, подписал указ о включении нефтяного оборудования в список лицензируемых экспортных товаров. 20 июля на пресс-конференции президент подчеркнул, что это решение не есть введение торгового эмбарго и что эти действия “соответствуют основным интересам и общей политике США в отношении Советов”. На вопрос, не является ли это экономической войной, был дан ответ, что “если эти шаги что-то и представляют, то экономическую дипломатию, а не экономическую войну”¹⁹.

¹³ *Скорородова О.Н.* США и Западная Европа в условиях нефтяного кризиса 1973–1974 годов. – Новая и новейшая история, 2013, № 1, с. 43–45.

¹⁴ Ж. Шарбоннель, министр промышленного и научного развития Франции, подчеркнул, что отсутствие ежедневного обмена информацией с крупными компаниями относительно поставок стало одним из серьезных аспектов кризиса во Франции. – *Journal Officiel de la République Française. Débats Parlementaires. Assemblée Nationale*, Novembre 24, 1973, p. 6329.

¹⁵ *Hogselius P.* Op. cit., p. 168.

¹⁶ *Печатнов В.О., Манькин А.С.* История внешней политики США. М., 2012, с. 476–505.

¹⁷ Memo, Soviet Purchase of Western Oil and Gas Equipment, March 15, 1978, NCL-12-41-7-13-2, Jimmy Carter Library (JCL).

¹⁸ Memo from Brzezinski to the President, May 16, 1978, NCL 1-6-3-16-4, JCL.

¹⁹ Memo, For Colonel W. Odom from Chief Industry and Resource Branch, August 30, 1978, Folder PRM 44, Box 42, JC-NSA, JCL.

Отдельные виды оборудования, заказанные СССР за рубежом (в млн долл.), 1972–1977

Название оборудования	США	Другие страны
Сейсмологическое оборудование	49	31,5
Сверла	0,2	0
Мощные погружные насосы	147,5	0
Газлифтное оборудование	1,3	0
Роторные буровые установки	7,2	6
Буровые трубы	1	11
Оборудование для совместно-раздельной эксплуатации	8	0
Оборудование для оффшорного бурения	71,2	89,9
Иное оборудование	18,2	102
Всего	303,6	241,2

Источник: Jimmy Carter Library

Стоит ли говорить о том, что реакция американского бизнеса на это решение Белого дома была отрицательной, так как он неохотно верил в то, что лицензирование не значит эмбарго, а также, что американские технологии настолько уникальны, что Москве придется пойти ради их получения на дополнительные бюрократические проволочки. Так, например, еженедельник “Business Week” заметил, что “торговля – не водопроводный кран, который можно включать и выключать при каждой перемене дипломатической погоды”²⁰. Время показало, что большинство заказов, от которых вынуждены были отказаться американские бизнесмены, были “подобраны” французским, немецким, японским, швейцарским бизнесом. Что касается советской реакции, то, например, “Новое время” в целом смотря оптимистично на возможности замещения поставщиков, отметило политическую направленность этого акта: “Судя по всему, официальному Вашингтону не до экономических выгод. Он закусил политические удила, пытаясь вместо товаров экспортировать политику международной конфронтации”²¹.

Что заставило США задуматься о такой политике? На наш взгляд, этот шаг был вызван осознанием того, что “американское нефтяное оборудование играет гораздо более критичную роль в советской экономике, чем любой другой тип продукции, ввозимой из США”²². Оно в свою очередь базировалось на выводах ряда докладов о перспективах развития нефтяного комплекса СССР, подготовленного несколькими исследовательскими группами правительства США: “Грядущий советский нефтяной кризис” (группа ЦРУ, во главе со С. Тернером, март 1977) и “Перспективы нефтедобычи в СССР” (апрель, июль 1977 г.). Аналогичное исследование было подготовлено и военной разведкой²³. В этих докладах говорилось о том, что нефтегазовый комплекс СССР сталкивается с очень серьезными трудностями, которые приведут к долгосрочному снижению уровня добычи уже в самом начале 80-х годов XX в. Впоследствии эти “трудности” будут названы американским исследователем Т. Густафсоном кризисом на фоне изобилия, а российской ученой М.В. Славкиной – трагедией²⁴. Выводы докладов косвенно подтверждались и плановым снижением темпов добычи в 10 пятилетке по отношению к предыдущей, и прямыми признаниями советских официальных лиц. А.Н. Косыгин на встрече с президентом Финляндии в марте 1977 г. заверил Хельсинки, что СССР

²⁰ Business Week, 19.VII.1978.

²¹ Андреев П. Обоснованное беспокойство. – Новое время, 1978, № 31, с. 16.

²² Memo, For Colonel W. Odom...

²³ Memo from Brzezinski to the President, May 16, 1978, NCL 1-6-3-16-4, JCL. Найти доклад военной разведки автору не удалось.

²⁴ Славкина М.В. Триумф и трагедия: развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. М., 2002.

гарантирует стабильные поставки на протяжении 15 лет, подчеркнув при этом, что “топливная проблема не может быть разрешена с большой легкостью, а цифры добычи в 1977–1980 гг. будут ниже плановых”²⁵.

Таким образом, в осмыслении фактора советской нефти после прихода в Белый дом в 1977 г. администрации демократов наблюдался достаточно серьезный поворот. Команда Дж. Картера не только диагностировала критическую важность нефтяного сектора для экономики СССР и его зависимость от экспорта оборудования, но и то, в какую трудную пору он вступает. Советский нефтегазовый комплекс стал постепенно осмысляться как слабое место, как фактор, который можно использовать против оппонента.

Вашингтон не мог не изменить своего отношения и к энергетическим контактам между СССР и своими союзниками. Однако США, регулярно поднимая вопрос о необходимости атлантической солидарности в торговых отношениях с Восточным блоком, не оказывали серьезного и последовательного давления на своих европейских коллег по принятию ограничительных мер в отношении экспорта нефтяного оборудования в СССР. Удивительно, но экспортный контроль не обсуждался ни на саммите в Лондоне в 1977 г., ни на саммите в Бонне в 1978 г., притом что общие вопросы экономической политики в отношении Восточного блока включались в повестку дня саммитов Большой семерки с самого начала их проведения в 1975 г.

Важно, что параллельно с переосмыслением характера советско-американского взаимодействия на нефтяном треке в лексиконе политической элиты США все чаще стало появляться новое словосочетание в применении к экспорту советской нефти в Европу – советская нефтяная угроза.

1 февраля 1977 г. на слушаниях в сенатском Комитете по внутренним делам М. Конант, один из авторов доклада министерства обороны о перспективах советской нефтяной промышленности, рассказал, что в его исследовании проводилась оценка места СССР “в игре” за нефть Ближнего Востока. Он подчеркнул, что роль Москвы в качестве непосредственного поставщика углеводородов и посредника в продаже газа и нефти Ближнего Востока на европейский рынок дает ей “беспрецедентный инструмент манипулирования поставками”²⁶.

Однако Вашингтон отдавал себе отчет, что для того, чтобы предпринимать конкретные шаги по контролю европейско-советских энергетических связей, необходимо предложить Старому свету какую-либо альтернативу. В том, что касается собственных ресурсов, которые имелись в США в большом количестве, то даже на фоне сланцевой революции “последних лет Белый дом не готов дать однозначные обязательства” по снабжению своих союзников американскими углеводородами, говорить же про 70-е годы XX в. не приходится. Даже на вежливые, но настойчивые запросы Японии относительно аляскинской нефти, в разработке которой ее фирмы участвовали с 1966 г., Дж. Картер ответил, что “возможны лишь кратковременные и ограниченные поставки”²⁷. Администрация Дж. Картера вплоть до 1979 г. находилась скорее в оборонительной позиции в том, что касалось выработки согласованной энергетической политики внутри Западного блока. Несмотря на принятые обязательства, Вашингтон не смог остановить рост импортной зависимости от нефти ОПЕК и был далек от тех цифр энергосбережения, которые демонстрировали европейцы.

А потому в конце 70-х годов XX в. США не предпринимали конкретных шагов по введению тезиса о советской нефтяной угрозе в активный политический лексикон в

²⁵ CIA National Foreign Assessment Center, The Soviet Comments on CIA Energy Projection, March 1978, NCL 12-41-7-11-4, JCL.

²⁶ Political and Economic Factors Governing Access to Energy in the Decades Ahead. Hearing before the Committee on Interior and Insular Affairs. US Senate. February 1, 1977. Washington, 1977, p. 14.

²⁷ Memo for the President from Cyrus Vance, Japanese Interest in Alaskan Oil, February 25, 1977, NLC 15-24-1-20-6, JCL.

их диалоге с Европой. Однако важно понять, что само появление этого устойчивого выражения, пусть и для внутриамериканского потребления, дает возможность по-новому взглянуть на фактор советской нефти в отношениях между Западом и Востоком у лидера Западного блока. Уже на этом этапе различие в удельном весе советских поставок для США и европейских стран, наметившееся еще в первой половине 70-х годов XX в., заложило потенциал конфликта между союзниками по вопросу о сотрудничестве с Москвой. В начале 80-х годов XX в. с окончательной смертью политики разрядки эта концепция станет одним из главных доводов администрации Р. Рейгана²⁸ в пользу прекращения советско-европейского энергетического сотрудничества, что вызовет виток противостояния между Брюсселем и Вашингтоном.

Конец 70-х – начало 80-х годов XX в. вошли в историю как чрезвычайно драматичный период возобновления биполярной конфронтации. Второй нефтяной шок 1979–1980 гг. не просто хронологически совпал, но и стал важной частью этого перехода к новой расстановке сил, как на глобальном уровне, так и в ближневосточной подсистеме международных отношений. Введение ограниченного воинского контингента СССР в Афганистан²⁹ и события в Польше не только стали точкой невозврата для политики разрядки, но и самым непосредственным образом повлияли на советско-европейские энергетические связи. Следствием революции в Иране, развязавшей второй нефтяной шок, стало крушение всей системы военно-политической безопасности, создаваемой в США на Ближнем Востоке с начала 70-х годов XX в. с опорой на два столпа: Саудовскую Аравию и шахский Иран. Казалось, крах системы снабжения нефтью развитого мира неизбежен. Таким образом, события, происходившие на рынке энергоносителей, серьезным образом влияли на восприятие угроз политическими элитами, а значит и на процесс принятия решений, которые, в конечном счете, привели ко “второму изданию” холодной войны.

Что касается советского нефтегазового комплекса, то на рубеже 70-х – 80-х годов XX в. на него было окончательно возложено почетное звание локомотива народного хозяйства. В целом обстановка оказалась немного благоприятнее, чем в уже упоминавшихся нами публикациях аналитиков и разведсообщества США, которые, по словам президента Академии Наук А.П. Александрова, “имеют скорее агитационный и политический характер, чем технический”³⁰. За счет массированных ассигнований в сектор (в 1980 г. доля ТЭК достигла 14% от общего объема капиталовложений на развитие промышленности, в сравнении с 7% первой половины 70-х годов XX в., а финансирование нефтяного сектора выросло с 4,45 млрд рублей в 1977 г. до 6,80 млрд рублей в 1980 г., то есть за 4 года рост составил 65,4%) удалось выполнить план добычи нефти на 10 пятилетку (1976–1980)³¹. Не станем останавливаться на качественной стороне этого прорыва – последствиях чисто технического характера, связанных с ненормально высокими темпами бурения и эксплуатации, ростом аварийности и т.д., что в итоге только усугубило к середине 80-х годов XX в. и без того серьезное положение в нефтедобывающем секторе³². Здесь важнее отметить другое – к началу 80-х годов XX в. стало ясно: чтобы сохранить долю углеводородов в топливно-энергетическом балансе СССР, были необходимы кардинальные меры.

В 1980–1981 гг. при обсуждении цифр плана 11 пятилетки было принято решение о “газовом повороте” – наращивании добычи, потребления и экспорта газа. На XXVI съезде КПСС в марте 1981 г. Л.И. Брежнев заявил о намерении повысить ассигнования

²⁸ Уткин А.И. Стратегия глобальной экспансии: внешнеполитические доктрины США. М., 1986; Гарбузов В.И. Революция Рональда Рейгана. М., 2008.

²⁹ Рубцов Ю.В. Советский Союз в “необъявленной” войне в Афганистане (1979–1989 годы): осмысление прошлого. – Новая и новейшая история, 2009, № 1, с. 48–70.

³⁰ Архив Российской академии наук, ф. 1916, оп. 1, д. 17, л. 2.

³¹ Gustafson Th. Op. cit., p. 66.

³² Вахитов Г.Г. Полвека отечественной нефтедобычи: от взлета к падению. – Нефть страны советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991). М., 2005, с. 497.

на газовый сектор на 50%³³. Этот выбор был основан на том, что газ оказался “стахановцем” предыдущей пятилетки (его производство возросло в 4,3 раза). Кроме того, себестоимость его добычи в новых районах Сибири была крайне низкой. “Газовый поворот” стал одной из мер по экономии нефти с целью увеличения ее экспорта и, соответственно, валютной выручки. Однако в долгосрочной перспективе это решение предопределило не только вектор развития советского и российского ТЭК, но и повлияло на корректировку энергетической стратегии европейских стран, что не могло не приобрести политического значения. Это было также связано с событиями в Иране.

Как и во время кризиса 1973–1974 гг. в ходе второго нефтяного шока СССР, несмотря на общее ухудшение отношений между Западом и Востоком, показал себя надежным поставщиком. Еще с 1972 г. Москва предоставляла собственную территорию для транзита в Европу газа Ирана, доставляемого к ирано-азербайджанской границе по трансиранскому магистральному газопроводу. В 1979 г. после свержения режима шаха эта магистраль прекратила функционировать. СССР, являвшийся одним из участников проекта, не желая нести расходы по просроченным контрактам, ударными темпами ввел челябинский участок магистрального газопровода “Союз”, по которому газ Оренбургского месторождения устремился к западной границе СССР³⁴. Несмотря на то, что добыча в Иране была восстановлена уже весной 1979 г., даже относительно краткосрочная остановка иранской нефтегазовой промышленности убедила Европу, на 15% зависевшую от поставок иранской нефти, в необходимости поиска альтернативных поставщиков и скорейшего замещения “черного золота” иными видами топлива – углем, энергией атома, тем же газом. Таким образом, “газовый поворот” в СССР совпал с аналогичными устремлениями стран Европы, бывших главным клиентом советского нефтегазового сектора.

В январе 1980 г., менее чем через месяц после начала операции в Афганистане, президент Картер ввел первые санкции против СССР: была прекращена продажа зерна в СССР, объявлялся бойкот Олимпийских игр в Москве, приостанавливалась выдача лицензий на продажу технологий, включая оборудование для нефтегазового сектора³⁵. Саму Москву именно решение об Олимпийском бойкоте задело больше всего. В целом и общем европейское крыло НАТО разделяло негодование Вашингтона по поводу поведения СССР, присоединившись к бойкоту игр. Однако уже на этом этапе обозначилось нежелание Европы идти на сворачивание диалога с Москвой, что входило в противоречие с общим настроем Вашингтона. Так, в мае 1980 г. президент Франции В. Жискард Д’Эстен в Варшаве встретился с Л.И. Брежневым³⁶. Этот визит стал объектом критики госсекретаря США Э. Маски, что в свою очередь получило жесткую отповедь со стороны главы французской дипломатии Фр. Понсе, заявившего, что “Франция ведет переговоры с теми, с кем считает нужным и когда она считает нужным. Для этого ей не требуется чье-либо разрешение”³⁷.

Первая очередь санкций не возымела серьезного отрицательного эффекта на развитие нефтяного сектора СССР, однако, само по себе вторжение в Афганистан, разворачивавшееся на паническом фоне второго нефтяного кризиса, имело серьезное значение для международного режима торговли нефтью. Доктрина Картера, озвученная

³³ XXVI съезд КПСС. Стенографический отчет. 23 февраля – 3 марта 1981 г. М., 1981, с. 48.

³⁴ Am Embassy Moscow to SCF State, Telegram 4145, March 23, 1979. – Digital National Security Archive.

³⁵ Public Papers of the President of the United States (далее – PPPUS). Exports of High Technology and Other Strategic Items to the Soviet Union Memorandums From the President, January 8, 1980. – <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=33008&st=&st1>

³⁶ Воронцова С. США и Франция: сферы взаимодействия и противоречий. – Мировая экономика и международные отношения (далее – МЭ и МО), 1980, № 11, с. 61.

³⁷ Journal officiel de la République Française. Débats parlementaires. Assemblée Nationale, Mai 21, 1980, p. 1126.

президентом в послании о положении в стране в конце января 1980 г., провозглашала Персидский залив зоной жизненно важных интересов США, которые они готовы были отстаивать “любыми необходимыми средствами, включая военную силу”³⁸.

Эта доктрина явилась отражением восприятия целей советской афганской кампании политическим истеблишментом Вашингтона, находившегося под влиянием геополитического мышления З. Бжезинского. Согласно этому восприятию, своим продвижением на юг, в Афганистан, СССР демонстрировал планы по установлению контроля над Персидским заливом – основным поставщиком “черного золота” в развитый мир³⁹. В сентябре 1980 г. советский министр иностранных дел А.А. Громыко попытался убедить госсекретаря Э. Маски в надуманности такого восприятия: “Объяснение политики СССР в Афганистане стремлением установить контроль над регионом Залива с тем, чтобы сделать для США невозможным покупку нефти или с целью создания препятствий для ее добычи, есть не что иное, как результат крайне низкого уровня понимания советской политики, школьного подхода и ничего другого”, – заявил он⁴⁰. И только начало войны между Ираком и Ираном обнажило весь спектр внутрирегиональных угроз стабильности поставок нефти, отодвинув советскую угрозу на второй план.

Европу в этой ситуации больше беспокоила не столько угроза Персидскому заливу со стороны Москвы, сколько угроза стабильности энергетических поставок с Ближнего Востока. В итоге, европейцы, разделяя взгляд США на опасность советского экспансионизма, приняли решение о выходе на новый уровень взаимодействия с СССР, материальным воплощением которого стало строительство трубопровода Уренгой–Ужгород в Европу. Суть этого проекта заключалась в том, чтобы соединить газовые месторождения Уренгоя с границей СЭВ⁴¹ в районе г. Ужгород (граница Украины, Словакии и Венгрии), откуда газ мог бы поступать в Австрию, Германию, Италию, Францию, Нидерланды. Переговоры по этому проекту начались с немецкими промышленниками еще в 1978 г. В 1980–1981 гг. они вышли на завершающую стадию. После введения в эксплуатацию “труба” общей протяженностью более 4 тыс. км. и мощностью 32 млрд м³ должна была обеспечивать, по данным США, 30% газовых поставок в Европу и 5% всех энергетических потребностей Старого Света⁴². Сумма контрактов СССР с западными странами оценивалась в 12–15 млрд долл. (включая 3 млрд контракт с Японией на поставку оборудования)⁴³.

В СССР отдали должное смелости Европы. Так, выступая с отчетным докладом на XXVI съезде партии, Л.И. Брежнев заявил: “Мы отдаем должное конструктивному подходу к вопросам экономического сотрудничества со стороны многих капиталистических государств и деловых кругов и будем развивать торговлю прежде всего с этими

³⁸ PPPUS. The State of the Union Address Delivered Before a Joint Session of the Congress, January 23, 1980. – <http://www.presidency.ucsb.edu/ws>

О значении доктрины Картера см.: *Борисов Р.В.* США: ближневосточная политика в 70-е годы. М., 1982, с. 102; *Звягельская И.Д.* “Конфликтная политика” США на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1990, с. 16–20.

³⁹ Так, в 1980 г. Р. Эрб, бывший помощник заместителя министра финансов, поставил афганскую кампанию на первое место среди угроз стабильности поставок нефти из Залива, а ирано-иракский конфликт – только на третье (US-Western European Relations in 1980. Hearings before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. US Congress. June 25, July 22, September 9, 15, 22 1980. Washington, 1980).

⁴⁰ FRUS, 1977–1980. V. VI. Soviet Union. Washington, 2013, Doc. 250.

⁴¹ Изначально речь шла о строительстве нефтепровода от Ямбургского месторождения, поэтому вплоть до 1983 г. этот проект иногда называли Ямбургским или Ямальским. В 1990–2000 гг. от Ямбургского месторождения будет построен газопровод “Ямал–Европа”.

⁴² Soviet Energy Export and Western European Energy Security. Hearing before the Subcommittee on Governmental Process, US Senate. October 14, 1981. Washington, 1981, p. 4.

⁴³ Proposed Trans-Siberian Natural Gas Pipeline. Hearing before the Committee on Banking, Housing and Urban Affairs. US Senate. November 12, 1981. Washington, 1981, p. 204.

странами. Не наша вина в том, что, например, с США торговля сокращается или переживает застой”⁴⁴.

В Вашингтоне к готовящейся сделке отнеслись с подозрением – запрет на выдачу лицензий для продажи оборудования в СССР, в том числе, преследовал цель застопорить ход переговоров, однако этой меры было недостаточно. Администрация Картера понимала, что от Брюсселя вряд ли удастся добиться шагов против нефтяной отрасли СССР, поскольку снижение добычи в Сибири ударило бы бумерангом по поставкам “красной” нефти и газа в Европу. В Белом доме присутствовало также и понимание внезапности для Европы столь резкого поворота от политики и риторики разрядки к языку конфронтации. За 10 предыдущих лет там привыкли к тому, что разрядка и меры по укреплению обороноспособности есть два непреложных фактора европейской безопасности. В выступлении представителя госдепартамента на одном из слушаний в Палате представителей эта мысль была подкреплена цифрами: общий объем торговли ФРГ со странами социалистического блока превышал на 1980 г. объемы торговли с США. Особенностью советско-европейских контрактов являлся их долгосрочный характер, а значит, их нельзя было активировать или дезактивировать согласно “переменам политических температур”⁴⁵. В этой ситуации администрация Картера оказалась не готова к применению жестких мер по предотвращению очередной “сделки века” между СССР и европейскими странами. Однако с приходом к власти Р. Рейгана и по мере стабилизации ситуации на нефтяном рынке (так уже с конца 1981 г. предложение нефти вышло на стабильно высокий уровень) готовящаяся сделка между Западом и Востоком вновь попала в центр внимания Белого дома.

Впервые о своих опасениях в этой связи президент Рейган заявил публично на саммите Большой семерки в Оттаве, 20–21 июля 1981 г. В ответ европейские участники заседания заметили, что на фоне постоянной неопределенности на Ближнем Востоке они готовы пойти на определенные экономические риски с “советской трубой”⁴⁶. В июле 1981 г. консорциум немецких банков во главе с Deutsche Bank и АКА Ausfuhrkredit GmbH выдал кредитные гарантии под строительство компрессорных станций, позднее к ним присоединился ряд французских банков и Экспортно-Импортный банк Японии. Осенью 1981 – зимой 1982 г. были парафированы соглашения с немецкими, английской, итальянскими, французскими, немецкими фирмами по поставке необходимого оборудования⁴⁷. 14 ноября 1981 г. между участниками проекта было подписано соглашение о цене на газ в 5,5 долл., что было ниже цены алжирского газа – маркерного для европейского рынка. Наконец, 21 ноября 1981 г., в Бонне, в ходе первого визита Л.И. Брежнева за рубеж после афганского вторжения, было подписано генеральное межправительственное соглашение о строительстве газопровода⁴⁸.

Тем временем, на Потомаке приступили к планомерному анализу проблемы “трубы”, причем изначально было ясно, что заблокировать строительство малой кровью не удастся. В Белом доме согласие на сделку рассматривали как добровольную передачу в руки Москвы инструмента огромного экономического и политического влияния, что “подорвет жизнеспособность альянса НАТО”, как “крупнейшее политическое поражение” США⁴⁹. Между тем, в Европе такая позиция Вашингтона толковалась как проявление агрессии, чрезмерное и ненужное вмешательство в европейские дела, что

⁴⁴ XXVI съезд КПСС. Стенографический отчет..., с. 42.

⁴⁵ US-Western European Relations..., p. 8.

⁴⁶ Memo, CIA, East-West Trade Control, July 09, 1981, Executive Secretariat NSC, Meeting Files, NSC0017, Ronald Reagan Library (RRL).

⁴⁷ Creusot-Loire, John Brown Engineering, Nuovo Pignone, AEG-Telefunken, Mannesmann, Dresser Industries, Walter Kidde и Japan Steel Works. Краны-трубоукладчики должны были быть приобретены у американской компании Caterpillar и японской Komatsu.

⁴⁸ Федоров В. Актуальные вопросы экономических связей СССР–ФРГ. – МЭ и МО, 1980, № 9, с. 95.

⁴⁹ Proposed Trans-Siberian Natural Gas Pipeline..., p. 1.

в свою очередь воспринималось в США как синдром нарастания нейтрализма, своего рода “финляндизации” Старого Света⁵⁰.

К августу 1981 г. в США были подготовлены варианты возможного влияния на судьбу “советской трубы” в Европу⁵¹. Выбор стоял между тем, чтобы заблокировать строительство газопровода совсем или же отложить реализацию проекта на длительный срок, получив при этом обязательства, что эта труба станет последним аналогичным проектом СССР в Европе. Последнее было связано с тем, что Москва стала поднимать вопрос о сооружении второй линии трубопровода. Мнения различных департаментов, отвечающих за выработку внешнеполитического курса США, разошлись значительно. В то время как представители министерства обороны и разведка выступали за т.н. опции 1 и 2, которые сводились к установлению одностороннего запрета на экспорт любых видов нефтегазового оборудования в СССР с последующим обсуждением этого вопроса с союзниками в Координационном комитете по экспортному контролю (КОКОМ)⁵², то глава госдепартамента А. Хейг высказывался за “мягкую опцию” (опции 3 и 4), предполагавшую введение обязательного экспортного лицензирования высокотехнологичного и уникального оборудования после утверждения этих списков в КОКОМ. Как показали предварительные контакты с европейцами, вариант госдепартамента имел шансы быть принятым в Старом Свете, так как он оставлял им пространство для маневра в переговорах с СССР. Это было важно, поскольку без обеспечения согласия Европы и Японии на участие в этих ограничениях эффективность одностороннего запрета существенно снижалась.

Военные и разведсообщество выступили с критикой предложения А. Хейга, объясняя, что оно сводится к тем “дерганиям”, которые предпринимались администрацией демократов еще с 1978 г. и что, в итоге, позволило Советам приобрести свыше 1000 единиц нефтегазового оборудования с 1979 г. При этом они полагали в принципе возможным “выбить” из европейцев согласие на опцию 1 и 2, на что секретарь Хейг, тоже бывший военный, заметил, что “мы накурились опиума, если мы рассчитываем на поддержку опции 1 со стороны союзников”⁵³.

В итоге, межведомственные обсуждения затянулись почти на полгода. Слишком уж много существовало ограничений самого разного характера вокруг принятия этого решения. С одной стороны, США были не готовы предоставить гарантии безопасности поставок ближневосточной нефти в условиях ирано-иракской войны. Более того, секвестр бюджета, предпринятый новой администрацией, обернулся в 1981 г. сокращением присутствия авианосцев США в Персидском заливе до одного, что шокировало европейских союзников⁵⁴. С другой стороны, для Европы, как и для США, 1981 г. оказался годом экономической рецессии. ФРГ не скрывала, что столь масштабный проект на Востоке послужит стимулом для сталелитейной и трубопрокатной промышленности, а также создаст немалое количество рабочих мест. Только одна немецкая фирма General Electric Germany (EAG) получала 25 тыс. рабочих мест при реализации контракта с Москвой⁵⁵. Во Франции новое социалистическое правительство приняло программу энергетической независимости⁵⁶, предусматривавшую увеличение доли газа в энергетическом балансе с 13 до 17%, для чего, по словам министра промышленности, от-

⁵⁰ *Sommer Th.* Europe and the American Connection. – Foreign Affairs, 1979, v. 58, № 3, p. 623.

⁵¹ Memo, US Policy on the West Siberian Pipeline, July 7, 1981, Executive Secretariat NSC, Meeting Files, NLC-MO3-1278A, RRL.

⁵² КОКОМ был учрежден в 1949 г. для осуществления многостороннего контроля над экспортом стратегических технологий, которые могли быть применены в военном секторе СССР и других социалистических стран.

⁵³ The NSC meeting minute with the President re pipeline and technology export embargo, October 16, 1981, Executive Secretariat NSC, Meeting File, NSC 0023, RRL.

⁵⁴ Soviet Energy Export..., p. 30.

⁵⁵ Memo, NSC Assessment, The Effect of the Embargo, Executive Secretariat NSC, Meeting Files, NSC 0023, RRL.

⁵⁶ Кудрявцев А. Франция: государство и энергетика. – МЭ и МО, 1981, № 11, с. 117–127.

ветственного за энергетику, необходимо было предпринять меры по диверсификации поставок “по всем азимутам”⁵⁷.

В итоге выбор стратегии был предопределен событиями в Восточном блоке. В ночь с 12 на 13 декабря 1981 г. в Польше, на волне продолжающихся волнений, возглавляемых независимым профсоюзом “Солидарность”, было введено военное положение, вся полнота власти перешла к В. Ярузельскому, возглавившему Военный совет национального спасения. 29 декабря 1981 г. президент Рейган объявил о новой серии санкций, направленных против СССР. В списке санкций значилось не только приостановление полетов “Аэрофлота” в США, прекращение деятельности Советской закупочной комиссии, одностороннее приостановление выпуска лицензий на продажу технологического оборудования, но и фактический запрет на продажу самого широкого спектра нефтегазового оборудования в СССР, в том числе нестратегического характера, включая тракторы-трубоукладчики, без которых строительство трубопровода было крайне затруднено⁵⁸. Таким образом, верх взяла “опция” министерства обороны и разведывательного сообщества, а значит, Белому дому предстояло иметь дело с тем, о чем предупреждал госсекретарь – реакцией европейских партнеров. Президент дал понять, что в рамках обсуждений с союзниками он бы хотел произвести пересмотр не только конкретного проекта газопровода, но и торгово-экономических отношений с Востоком в целом. И в центре этих дискуссий лежала проблема нарастания энергетической зависимости Европы от СССР.

Действия советского правительства в отношении Польши вызвали волну недовольства по всей Европе. Тем не менее, ковбойский тон дипломатии новой администрации США настораживал европейцев. Уже 5 января 1982 г. состоялась встреча канцлера Г. Шмидта, который проводил свой рождественский отдых во Флориде, с президентом Рейганом. Даже по публичным документам этой встречи можно понять, что при совпадении точек зрения относительно решающей роли СССР в происходящем в Польше, в ФРГ считали опасным ставить крест на торгово-экономическом сотрудничестве с Востоком, в том числе в свете депрессивного состояния экономики Запада. В “Совместном заявлении”, выпущенном по итогам встречи, говорится о том, что канцлер “особенно подчеркнул стратегическое значение поддержания социально-экономической стабильности в развитых странах Запада как важного элемента сохранения баланса сил между Западом и Востоком”⁵⁹. Франция также присоединилась к моральному осуждению происходящего в Польше. Однако уже в начале января 1982 г. в Париже “Союзгазэкспорт” и “Газ де Франс” подписали соглашение о поставке советского газа на 25 лет. На вопрос одного из депутатов, не противоречит ли данное действие риторике поддержки польских граждан, секретарь французского правительства Ж. Ле Гаррек ответил: “Мы не заинтересованы в том, чтобы драматизировать ситуацию больше необходимого”⁶⁰.

Таким образом, перед США стояла задача достижения консенсуса с европейскими союзниками по вопросу торгово-экономических отношений с Востоком до саммита Большой семерки, который должен был состояться в Версале 4–6 июня 1982 г. и на котором было необходимо продемонстрировать единство Западного мира. В этой связи директивой № 24 Совета национальной безопасности (СНБ) от 9 февраля 1982 г. была создана группа официальных лиц во главе с Дж. Бакли, замгоссекретаря по вопросам финансов (в нее вошли замминистра обороны, торговли и финансов, директор отдела политического планирования СНБ. В работе активное участие принимал посол США

⁵⁷ Journal Officiel de la République Française. Débats Parlementaires. Assemblée Nationale. Octobre 6, 1981, p. 1507.

⁵⁸ PPPUS. Statement on U.S. Measures Taken Against the Soviet Union Concerning its Involvement in Poland, December 29, 1981. – <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=43403&st=&stl>

⁵⁹ PPPUS. Joint Statement Following a Meeting With Chancellor Helmut Schmidt of the Federal Republic of Germany, January 5, 1982. – Ibidem.

⁶⁰ Journal Officiel de la République Française. Débats Parlementaires. Assemblée Nationale. Avril 16, 1982, p.1182.

во Франции Э. Гэлбрэйт)⁶¹. Группа совершила ряд поездок в Европу, сосредоточив свои усилия на убеждении Парижа и Бонна в необходимости вывести свои финансовые гарантии из проекта по строительству западносибирской трубы. Руководители СНБ также не скрывали, что одной из задач этих миссий было лишение союзников “дешевого предложения” об отсутствии консультаций, который мог бы позволить им отказаться от проведения общей с Вашингтоном политики. Переговоры велись “на полях” заседания экономического комитета НАТО в конце февраля 1982 г., во время подготовительной встречи саммита Большой семерки в Провансе 24 апреля 1982 г., на министерской встрече стран Организации экономического сотрудничества и развития 10–11 мая и министров иностранных дел стран-членов НАТО 17–18 мая 1982 г. Однако главная цель так и не была достигнута. Париж объяснял, что действующие договоренности с СССР запрещают ему налагать какие-либо ограничения на кредиты, отказавшись разглашать подробности действующей Долгосрочной программы углубления торгово-экономических отношений. ФРГ прямо заявила, что не пойдет на кредитные ограничения, так как это, в свою очередь, может дать повод и Кремлю подвергнуть пересмотру свои обязательства. “Миссия Бакли” (как ее называли в документах) достигла лишь умеренного успеха в переговорах с Италией и Бельгией, которые согласились не увеличивать поставки газа из СССР, в обмен на поставки газа из Северного моря⁶².

Не удалось решить финансовый вопрос и при личной встрече лидеров Западного блока на саммите в Версале. Франция, при поддержке Канады и ФРГ, вообще отказалась вводить словосочетание “ограничение кредитов” в итоговое коммюнике. Лишь только после четырех часов обсуждений Ф. Миттеран согласился на включение ни к чему не обязывающего пассажа о необходимости проявлять “финансовое благоразумие” в предоставлении кредитов Москве⁶³.

Причины неудачи миссии Бакли и самого президента Рейгана состояли в том, что США и страны ЕЭС рассматривали достижения политики разрядки с принципиально иных позиций. В Европе не разделяли хрестоматийный для Вашингтона тезис о разрядке как “улицы с односторонним движением”. Об этом, прямо заявил в беседе со своим американским коллегой замминистра иностранных дел ФРГ Г. Лаутеншлагер, подчеркнувший, что немецкая политика базируется на представлении о взаимной выгоде торговли с СССР, что нашло отражение в документах ЕЭС⁶⁴.

Версальский саммит не выполнил возлагавшихся на него надежд, и президент Рейган вынужден был прибегнуть к “тяжелой артиллерии”. Подводя итоги полугодия военного положения в Польше, где ситуация, по сути дела, не изменилась, президент объявил о расширении санкций против нефтегазового сектора СССР за счет распространения запрета на экспорт оборудования, производимого зарубежными дочерними американскими компаниями, а также техники, изготавливаемой по американским лицензиям⁶⁵. Если учесть, что те или иные элементы, запчасты производства США использовались практически во всей продукции, производимой европейскими концернами под своими марками, то ситуация складывалась очень серьезная. Фактически, это решение означало экстерриториальность национальных санкций США и привело к апогею противостояния Вашингтона и его союзников по вопросу об энергетических связях с Восточным блоком. Оно было призвано утвердить лидерство США в альянсе, подтвердить серьезность их настроя в разрешении вопроса о будущем энергетического сотрудничества Европы с СССР через отказ от плана строительства второй очереди газопровода (остановить строительство первой линии уже не представлялось возмож-

⁶¹ National Security Decision Directive Number 24, February 9, 1982, Bailey, Norman A. Files, Box 5, RRL.

⁶² Ibid., p. 2, RRL.

⁶³ Report on the East-West Credit Issue at the Versailles Summit, June 11, 1982. – Ibidem.

⁶⁴ Telegram Regarding Meeting with Germans, April 2, 1982. – Ibidem.

⁶⁵ Statement on the Extension of United States Sanctions on the Export of Oil and Gas Equipment to the Soviet Union, June 18, 1982. – <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=42651&st=&st1>

ным)⁶⁶. Важно отметить, что впервые под прицелом санкционной дипломатии оказался исключительно нефтегазовый сектор СССР.

Расширение санкций, предпринятое без согласования или предупреждения европейцев, вызвало бурю недовольства в Старом свете. Британская “Guardian” написала, что данные санкции – “лишь печальный синдром ограниченности, с которой администрация подходит к международным делам”. Ей вторила и “Sunday Times”, замечавшая, что предложение Вашингтона было бы легче принять, “если было бы хоть малейшее понимание, куда все это нас приведет”. 28–29 июня состоялось заседание Европейского совета. В его резолюции, без упоминания конкретно США, говорилось, что “односторонние и имеющие обратную силу решения в области международной торговли, попытки осуществлять экстерриториальный контроль и меры, препятствующие выполнению текущих торговых контрактов, ставят под угрозу свободу мировой торговли”⁶⁷. Совет также призвал предпринять срочные меры по проведению подлинного и эффективного диалога между США и ЕЭС по вопросам международной торговли. 12 августа 1982 г. Еврокомиссия представила в министерство торговли США ноту и свои комментарии, в которых доказывалось несоответствие введенных ограничений как международному, так и национальному законодательству США и призывалось к отмене санкций⁶⁸.

Такая реакция была вызвана тем, что в Старом свете в принципе не принимали всерьез тезиса о советской энергетической угрозе Европе, ведь объемы советского экспорта в эти годы все-таки были не столь значительны. В том, что касается нефти, лишь одна западноевропейская страна, да и то не входящая в ЕЭС, нейтральная Финляндия, в большей степени зависела от экспорта из СССР, чем от нефти ОПЕК (см. табл. 2).

Таблица 2

Источники сырой нефти стран Западной Европы, в % от импорта, 1986 г.

Источник	Италия	Финляндия	ФРГ	Бельгия	Франция	Нидерланды
СССР	12.2	86.2	5.7	17.5	8.7	2
ОПЕК	72.4	10.3	55.9	51.5	58.6	61.3
Другие	15.4	3.5	38.4	31	32.7	36.7

Источник: *Chadwick M. et al. Op. cit.*, p. 46.

В этой связи действия США рассматривались европейцами не как попытки Вашингтона “спасти Европу от самой себя”, от ошибочного и быть может фатального расширения контактов с Востоком, а скорее как способ лишить конкурентных преимуществ европейских производителей. Здесь следует заметить, что такие подозрения были небеспочвенны. Еще за год до этого, вскоре после саммита в Оттаве, где Рейган впервые показал свою обеспокоенность строительством “сибирской трубы” в Европу, Белый дом под достаточно серьезным давлением Конгресса и бизнессообщества выдал лицензию на продажу СССР 200 трубоукладчиков американской фирме “Катерпиллер”. При этом, как следует из документов, на “полях” саммита он пытался убедить японского премьер-министра приостановить продажу аналогичных трубоукладчиков японской фирмой “Комацу”, самого серьезного конкурента “Катерпиллера” на мировом рынке, мотивируя свою просьбу политическими соображениями⁶⁹. Аналогичная непоследовательность на-

⁶⁶ Так, в одном из докладов СНБ утверждалось, что в СССР к середине 1982 г. уже была введена большая часть необходимого оборудования. – The Soviet Gas Pipeline in Perspective, Special National Intelligence Estimate, September 16, 1982.

⁶⁷ Brussels European Council, June 1982. Presidency Conclusions. – http://www.european-council.europa.eu/media/849498/bruxelles_june_1982_eng.pdf

⁶⁸ Comments of the EC on the Amendments of 22 June 1982 to the US Export regulations. August 12, 1982. – http://aei.pitt.edu/1768/1/US_dispute_comments_1982.pdf

⁶⁹ Telegram, Am Embassy Brussels – To Sectate, 22 Jun 828551, Bailey, Norman A., Files, Box 5, RRL.

блюдалась со стороны США и по продаже зерна Москве, запрет на которую то вводился, то снимался. На этом фоне выглядит логичным единогласное принятие 8 июля 1982 г. резолюции Европейского парламента об американско-европейской торговле, утверждавшей, что все “эти меры есть часть общего климата конфронтации в американско-европейской торговле”⁷⁰. Примечательно, что даже М. Тэтчер выступила с достаточно жестким осуждением действий Р. Рейгана из-за того, что они противоречили логике свободного рынка: 2 августа 1982 г. она отдала приказ британской фирме “John Brown” отгрузить заказанное СССР турбинное оборудование, вопреки запретам США⁷¹.

Вновь на поиск общего знаменателя с союзниками была направлена группа во главе с Дж. Бакли, которая стала именоваться Группой по международной энергетической безопасности (с октября 1982 г. ее стал возглавлять А. Уоллис)⁷². Под его руководством был подготовлен доклад об альтернативных источниках энергии для Европы. Исследование велось в двух направлениях – пути поощрения собственно европейской добычи и поиск альтернативных поставщиков углеводородов за пределами Европы.

Что касается увеличения добычи в Европе, то ключевыми в этом вопросе были три страны – Норвегия, Великобритания и Нидерланды, обладавшие “выходом” к запасам Северного моря и не желавшие “осушать” их раньше времени. Еще весной 1982 г. в госдепартаменте подготовили исследование об ускоренном введении в эксплуатацию двух крупнейших норвежских газовых месторождений в Северном море, Тролль и Слейпнер, и конфигурациях путей транспортировки этого газа на европейский рынок. Возможный план включал “треугольную сделку” – доставку норвежского газа к берегам Шотландии взамен на эквивалентный объем поставок Великобританией газа на континент. При этом министр нефтяной промышленности и энергетики Норвегии Г.Г. Раммон отказался даже вести речь о введении месторождений в эксплуатацию в качестве альтернативы “сибирской трубе”⁷³. В итоге оба месторождения были введены в строй только в 90-х годах XX в.

В СНБ даже был поднят вопрос о возможности участия союзников в разработке нефтегазовых месторождений США на Аляске и поставках аляскинской нефти в Старый свет, для чего требовалось снять действующий запрет на экспорт нефти из США. Однако это предложение так и утонуло в неразберихе межведомственной переписки. Европе было предложено увеличивать закупки американского угля, чтобы компенсировать потери советского газа, при этом, однако, не совсем понятно, насколько серьезно в самих США относились к этой идее, так как во внутренних документах говорилось о том, что переход на твердые виды топлива потребует перевооружения промышленности, проведения реконструкции принимающих портов и пр., что в итоге сделало бы американский уголь “немного дороже”⁷⁴, чем газ СССР.

Что касается альтернативных газовых проектов для Европы (среди возможных поставщиков назывались Нигерия, Камерун, Тринидад), то все они требовали дополнительных финансовых вливаний и, что важнее, времени. Ни один из них не мог быть реализован раньше 90-х годов XX в. Европейские же страны хотели видеть к началу нового десятилетия серьезные изменения в балансе собственного энергопотребления. Таким образом, в итоге именно советское предложение было признано аналитиками наилучшим “с чисто коммерческой точки зрения”⁷⁵.

⁷⁰ European Parliament Resolution on trade relations between the USA and the EEC, July 8, 1982—Official Journal of the European Communities, C 238/25, 13 September 1982, p.41.

⁷¹ Гуменюк Е. Санкции Р. Рейгана и политика тори. – МЭ и МО, 1983, № 2, с. 143.

⁷² Memo, for James Buckley from Danny Boggs, August 17, 1982, Bailey, Norman A., Files, Box 5, RRL.

⁷³ Report, The Great Norwegian Pipeline, April 6, 1982. – Ibidem.

⁷⁴ Executive summary, Alternative Strategies for Natural Gas in Western Europe, March 1982. – Ibidem.

⁷⁵ The Soviet Gas Pipeline in Perspective, Special National Intelligent Estimate, Director of Central Intelligence, September 21, 1982, p. 22. – http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/17/19820921.pdf

Этот вывод свидетельствует о том, что в США понимали весь тот комплекс факторов, которым руководствовался ЕЭС в расширении контактов с СССР. Главным же итогом наложения санкций стало не приостановление строительства “трубы”, а раскол в самом западном сообществе по вопросу о правомерности действий Вашингтона. В начале ноября 1982 г. на заседание СНБ министерство финансов и новый госсекретарь Дж. Шульц выступили с совместным предложением отмены санкций с последующим переносом обсуждения вопроса о контроле за трансфером технологий в рамки КОКОМ. Министерство обороны предсказуемо выступило лишь за отмену принципа экстерриториальности, признав, что процесс принятия этого решения летом 1982 г. не был лишен недостатков⁷⁶. Чаша весов склонилась в пользу первого предложения.

13 ноября 1982 г., накануне визита в Вашингтон нового немецкого канцлера Г. Коля президент Рейган объявил по национальному радио о том, что им были достигнуты договоренности с европейскими союзниками по вопросам кредитов и поставок оборудования в СССР, в связи с чем санкции, наложенные год назад, отменялись: “США наложили санкции на Советский Союз, чтобы показать, что его репрессивная политика повлечет за собой значительные издержки. Теперь, когда мы достигли соглашения с нашими союзниками <...>, эти санкции больше не нужны”⁷⁷, – заявил он.

В чем же была суть найденного компромисса? Европейские союзники соглашались усилить контроль над трансфером “стратегического”, “критического” оборудования для нефтегазовой сферы, в связи с чем планировалось включение отдельных технологий в список КОКОМ⁷⁸. Большая часть оборудования, типа трубоукладчиков, в такие списки не попадала. Союзники также соглашались на ужесточение кредитной политики в отношении СССР. В этом пункте мнение Вашингтона совпало с опасениями Западной Европы относительно платежеспособности СССР. На встрече ОЭСР в декабре 1982 г. было принято решение о повышении ставки процента для СССР с 8,5% до 12%⁷⁹. Партнеры соглашались на проведение исследования по вопросам альтернативных источников энергии для Запада в рамках Международного энергетического агентства (МЭА). Наконец, европейцами были разработаны защитные меры на случай применения “советского энергетического оружия”. Голландия обязалась компенсировать до 40% газа, поставляемого по советской трубе в случае возникновения чрезвычайной ситуации⁸⁰.

Несмотря на то, что первый вопрос, который задали президенту после объявления о снятии санкций, был “Не слишком ли США уступили Европе?”, это решение было двусторонним компромиссом. Европа отказалась от диалога с СССР по поводу второй очереди “западносибирской трубы”. Вплоть до середины 90-х годов XX в. не был реализован ни один проект строительства новых экспортных магистралей между СССР / Россией и Европой. Список КОКОМ был действительно несколько расширен, что создавало определенные неудобства для СССР. Так, в 1985 г., во время встречи Рабочей группы Комиссии СССР и ФРГ по экономическому и научно-техническому сотрудничеству представитель СССР настойчиво интересовался исключением нефтегазового оборудования из списков КОКОМ, на что немецкий коллега заметил, что это – “семейное дело, и надо разговаривать с другими семьями по этому поводу”, обратив внимание, что в количественном значении имевшиеся ограничения были ничтожны⁸¹.

⁷⁶ NSC Meeting on East-West Trade Agreement and Poland, November 9, 1982, Executive Secretariat, NSC: Meeting File, NSC 00068, RRL.

⁷⁷ Radio Address to the Nation on East-West Trade Relations and the Soviet Pipeline Sanctions, November 13, 1982. – <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=41993&st=&st1>

⁷⁸ Memo, for Mr. Charles Hill, August 19, 1983, Bailey, Norman A., Files, Box 5, RRL.

⁷⁹ Memo, for the president from Robert MacFarlane, Jan 12, 1983, Executive Secretariat, NSC: Subject File, N-O, Box 22, RRL.

⁸⁰ The Report of the Alternative Energy Group. International Measures. November 1982, Bailey, Norman A., Files, Box 7, RRL.

⁸¹ РГАЭ, ф. 413, оп. 32, д. 4110, л. 137.

Сама по себе логика отмены санкций, озвученная президентом Рейганом, говорит о том, что их наложение было мало связано с событиями в Польше, ведь военное положение там было отменено полгода спустя после снятия санкций. Президент прямо заявил репортерам, что “договоренность с союзниками, которую нам только что удалось достичь, была нашей целью, и мы прибегли к санкциям только потому, что не смогли добиться этого прежде”⁸².

К следующему саммиту Большой семерки, состоявшемуся в американском Вильямсбурге в мае 1983 г., работа по сближению позиций Европы и США относительно энергетических и торгово-экономических связей с Востоком завершилась. На очередном заседании министров энергетики стран МЭА в мае 1983 г. был представлен доклад “Природный газ: перспективы к 2000 г.”, который называл уровень собственной добычи в Европе в 30% минимальным для гарантии энергетической безопасности. В Заключительном коммюнике министерской встречи МЭА в мае 1983 г. содержался призыв избежать зависимости от поставок газа от одного поставщика⁸³.

Наконец, снижению алармизма в восприятии советской энергетической угрозы способствовало общее улучшение положения на рынке энергоносителей: зима–весна 1982–1983 г. совпали с первым серьезным раундом снижения цен, предпринятым ОПЕК в надежде установить контроль над рынком. Специалисты компании Эксон, консультировавшие правительство США, докладывали, что при текущем положении на рынке “западносибирская труба” будет загружена на минимально допустимом уровне⁸⁴.

Подведем итоги. Будучи продуктом политики разрядки, нефтегазовые связи между Западным и Восточным блоком были вынуждены пройти через те же этапы “взлетов и падения”, что и политика разрядки⁸⁵. Если в первой половине 70-х годов XX в. – в “золотой период” разрядки – основные центры “Свободного мира”, США и европейские страны, вели переговоры по целому ряду проектов сотрудничества с СССР на углеводородном треке, то с приходом к власти администрации Картера произошел отказ от них со стороны США. Произошла перестановка акцентов с сотрудничества-соперничества на соперничество-сотрудничество в области энергетики, что было характерно для внешнеполитического курса США в целом. Таким образом, появление концепции советской энергетической угрозы в конце 70-х годов XX в. стало двойным продуктом расширения поставок советской нефти в Европу с одной стороны и смены общего тона отношений между Западом и Востоком с другой.

Ожесточенные дискуссии внутри атлантического сообщества относительно сотрудничества с СССР в нефтегазовой сфере разворачивались в поле действия двух взаимосвязанных, но все-таки различных факторов: собственно энергетического и внешнеполитического. В то время как США рассматривали энергетическое сотрудничество с Москвой с точки зрения общего соотношения сил между Западом и Востоком, для Европы “весомее” была экономическая сторона вопроса. Именно поэтому Брюссель и Вашингтон разошлись столь радикально в оценках советской энергетической угрозы в 80-е годы XX в. Западная Европа, выиграв битву за одну ветку “сибирской трубы”, осталась при своем видении советской угрозы как лишь одного из зол (меньшего в сравнении с ближневосточным), с которыми сталкивался Старый мир. Как выразился канцлер ФРГ Г. Шмидт в своем выступлении в бундестаге в этой связи, “мы не долж-

⁸² PPPUS, Question-and-Answer Session With Reporters on East-West Trade Relations and the Soviet Pipeline Sanctions, November 13, 1982. – <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=41994&st=&stl>

⁸³ 1983 Communique International Energy Agency, Meeting of the Governing Board at Ministerial Level, May 8, 1983. – The History of the International Energy Agency. Vol.3. Principal Documents. Paris, 1995, p.398.

⁸⁴ The Exxon Briefing on European Energy Outlook, December 1982, Bailey, Norman A., Files, Box 7, RRL.

⁸⁵ О причинах “падения” политики разрядки см.: Самуйлов С.М. Некоторые уроки политики разрядки. – США – Канада. Экономика, политика, культура, 2009, № 3, с. 53–68.

ны наказывать самих себя введением санкций только потому, что в Восточной Европе происходят изменения, с которыми нельзя мириться. Нам нужен этот газ”⁸⁶. В Вашингтоне же утверждали, что энергетическое сотрудничество с СССР ведет к серьезному укреплению его обороноспособности, так как через него Москва получает доступ к западным военным технологиям. Министр обороны США К. Уайнбергер прямо заявлял, что “трубопровод имеет такое же военное значение, как и самолет”⁸⁷. Такая точка зрения соотносилась с общей стратегией по использованию невоенных преимуществ с целью достижений победы в судьбоносном противостоянии двух систем, взятой на вооружение еще администрацией Картера и мастерски использованной администрацией Рейгана в рамках санкционной дипломатии.

Отрицательное отношение США к идее сотрудничества с Москвой в энергетической сфере базировалось на выводе о бесполезности разрядки, так как активизация экономических связей с СССР в 70-е годы XX в. не изменила ни советскую политическую систему, ни поведение Кремля на международной арене, что было продемонстрировано в Афганистане и Польше. В Европе же склонялись к иной точке зрения, согласно которой именно наследие разрядки в Европе и экономические связи заставили Москву воздержаться от реализации в Польше сценария 1968 г., что, по мнению ряда экспертов, фактически означало крах “доктрины Брежнева”⁸⁸. Если администрациями Картера и Рейгана нефтяной сектор ввиду своей особой важности для советской экономики рассматривался как чувствительное место противника, на которое можно и нужно было оказывать давление, то советско-европейские энергетические связи превратилась в самостоятельное направление политики на континенте, которое сумело пережить “второе издание” холодной войны⁸⁹ и до сих пор продолжает определять особую позицию Брюсселя по спорным вопросам взаимоотношений стран НАТО с их восточным соседом.

Таким образом, если принять во внимание, что стороны остались на своих позициях относительно нефтегазового сотрудничества с Москвой в 80-е годы XX в., то основной итог проанализированной нами “дипломатической перестрелки” между Вашингтоном и Брюсселем имел отложенный во времени эффект, а именно завершение оформления концепта энергетической угрозы Европе со стороны Москвы, который будет с легкостью переведен в дипломатический актив в XXI в., в принципиально иных политических условиях.

⁸⁶ Schmidt Statement in Bundestag on East-West relations, Jan 14, 1982, CO Countries, W. Germany, Box 75, RRL.

⁸⁷ NSC Meeting, February 4, 1982, Executive Secretariat NSC, Meeting Files, Box 0039, RRL.

⁸⁸ *Ouimet M.* The Rise and Fall of the Brezhnev Doctrine in Soviet Foreign Policy. The University of North Carolina Press, 2003, p. 97.

⁸⁹ *Garthoff R.* Detente and confrontation: American-Soviet relations from Nixon to Reagan. Brookings Institution Press, 1994, p. 1153.